

Смысл творчества человека в философии Николая Бердяева

Данная статья посвящена взгляду Н.А. Бердяева на человека как со-творца, помощника Бога в сотворении космоса в контексте христианской религии и собственных философских воззрений Бердяева. Цель статьи: сначала исследовать понимания Бердяевым сути творчества, как человеческое творчество связано с божественным, а затем более подробно остановиться на творчестве человека, а также понять саму природу человека.

Определение творчества и творения дается в связи с такими понятиями как Личность, Божественный Эрос, Свобода. Противоплагаются друг другу концепции творчества и эманации (как в материалистическом ее понимании, так и главным образом в мистико-религиозном), первое мыслится как личностное и свободное, второе – безличное и подчиненное законам необходимости.

Человек рассматривается, с одной стороны, в ключе своей богоподобности, с другой – в ключе грехопадения. Точно так же дается описание раскола вследствие грехопадения бытия на космос и мир, царство свободы и царство необходимости. Дается оценка Бердяевым человека как центра двух реальностей, как принадлежащего им обеим. В соответствии с этим формулируются две главные задачи и ценности: спасение и творчество, Добро и Красота; находится соотношение между ними. Автор также приходит к выводу об эсхатологическом характере творчества в философии Бердяева, к рассмотрению творчества как предвестника грядущего царства свободы.

Ключевые слова: Бердяев Н.А., творение и творчество, эманация, микротеос, царство свободы, царство необходимости, богочеловеческое творчество

Русский религиозный философ эпохи Серебряного Века Н.А. Бердяев (1874-1948) был прозван «рыцарем свободы» за то, что центральной темой в его сочинениях всегда оставалась свобода человеческого духа. Рассмотрению Бердяевым творчества как акта свободы в противоположность свершающемуся в результате необходимости и посвящена данная статья.

В качестве основных источников нельзя не упомянуть об одном из ранних произведений Бердяева – «Смысл творчества» (1916) [1]. В Предисловии к немецкому изданию 1927 г. Бердяев писал, что после событий русской революции вера в возможность наступления новой преображенной религиозной эпохи несколько пошатнулась. Так же использовалась статья Н.А. Бердяева «Спасение и творчество» (1926), посвященная, как следует из названия, главным образом проблеме соотношения пути спасения и пути творчества. Были задействованы главы из «Опыта эсхатологической метафизики» (1947) и «О рабстве и свободе человека» (1939). За рамками исследования остались такие вопросы, как, во-первых, соотношение творческой новизны со временем, сама концепция времени как, с одной стороны, связанного с творческим прибавлением состава бытия, с другой, подразумевающим отсутствие вечности, ограниченность и смертность. Остались в стороне так же проблемы искусства и эстетики, эстетического рабства человека.

Главные задачи, которые ставит перед собой автор: определить природу творчества и человека как творящего существа (почему только человек наделен даром творения?), выяснить, в чем Бердяев видит главную задачу творчества для человека.

Творение и эманация

Сама идея творчества у Бердяева тесно связана с идеей сотворения космоса Творцом: творчество и творение имеют одну природу. В том же смысле, в каком человек является образом Бога, творчество человека – подобие творения Богом всего существующего. В своей книге «Смысл творчества» в главах V и VI Бердяев дает описание того, что есть творение и творчество [1 с. 137–152,156]. Это описание можно условно выделить следующие важ-

ные моменты. Творчество – это создание новой энергии (мощи), то есть, создание бытия из небытия. Творение, безусловно, несет на себе печать своего творца, но это – два разных бытия, две разных вещи. Творец творит иное от себя без ущерба для себя.

Совсем другой взгляд на соотношение божественного и мира в индийском мистицизме и античном неоплатонизме. Бердяев противопоставляет творчество эманации на примере христианства и неоплатонизма. Эманация – это лишь перераспределение уже существующего, здесь нет создания иного бытия. В учении Плотина у Единого и мира одна основа: Единое начало не творит, а изливается в мир, Единое имманентно миру. Получается, что сам мир замкнут, а Единое – лишь его высшая точка. В христианстве же Бог именно творит мир, не из себя, а «из ничего». Как Творец, Бог создает иное от себя – трансцендентность Бога космосу как раз и подразумевает самостоятельность космоса по отношению к Богу.

Подобный дуализм (Творец и тварь) не то же самое, что раскол бытия на добро и его отсутствие. Бог создал что-то, чтобы это что-то *было* – здесь не стоит задача свести бытие к одному. Творец и творение не утрачивают каждый своей Личности – напротив, при таком контакте Личность получает свое наибольшее раскрытие. Если мы сравним это с индийской мистикой, то увидим совсем иную картину: достигнув своей цели, соединившись с Абсолютом, человек полностью растворяется в нем, прекращает свое частное существование. Здесь любая множественность ведет к искажению и греху. При наличии же учения о творении космоса разнообразие существующих вещей само по себе является красотой.

Кроме противопоставления с эманацией, Бердяев так же противопоставляет творению теорию эволюции, видя в ней материалистическое переложение мистического пантеизма. Бердяев рассматривает эволюцию как консерватизм бытия: эволюция – лишь видоизменение неизменного вечного количества энергии, плавное перетекание замкнутой данности из одной формы в другую, в то время как творение – именно создание новой энергии, а не перераспределение старой. Кроме того, эволюция проходит исключительно по внешним объективным законам, и таким образом полностью исключает любое проявление свободы воли, в то время как (мы увидим это ниже) творчество неотделимо от свободы.

Иного взгляда на теорию эволюции придерживался В.С. Соловьев. В его статье «Красота в природе» [2]: эволюция представ-

лена не как подчиненное необходимости «перетекание», а как целый ряд этапов борьбы даже не столько видов, сколько Хаоса и Логоса, живой процесс создания космоса, поэтому можно сказать, что в позиции Соловьева эволюция рассматривается, скорее, как проявление божественной динамики [2 с. 204–246].

Творчество как Эрос

Возвращаясь к Бердяеву, заметим, что акт творения так же предполагает выход Творца из самого себя, выход из своего одиночества, зов вовне к тому, что должно быть или уже сотворено. Исходя из этого, можно так же понять творчество как Эрос в значении Божественной Любви и стремлении к объекту этой Любви. В Любви утверждается бытие. Подобная динамика возможна только в том случае, когда она предполагает движение и внутри самой божественной Личности. Это внутреннее движение в свою очередь возможно только в том случае, когда есть Любовь внутри Троичного Божества: потому Бог представлен не в одном лице, а в трех, потому он не может быть только Единым, он выше Единого.

Творческая динамика начинается с внутренней Троичности: множественность в мире исходит от множественности божественной реальности, творчество предполагает множественность, следовательно, возможно благодаря Троичности. Тайна творчества, закрытая для Ветхого Завета в частности и строгого монотеизма в целом, раскрывается человеку только с приходом Нового Завета и христианства.

И подобно тому, как, сливаясь в одно, ни одна ипостась не уничтожается сами и не подчиняет себе другие – так же выстраиваются отношения Творца с творением. Творчество, повторим, уподобляется Божественной Любви, которая так же предполагает мистическое соединение не меньше двух лиц без потери каждым своей самости.

Творчество и свобода

Творчество определяется через свободу и невозможно без нее. Свобода – это так же «ничто». Здесь Бердяев объясняет «из ничего» уже с другой стороны: «ничто» с точки зрения детерминизма, в том смысле, что не было причинно-следственной связи, которая неизбежно привела к данному событию. Свободное действие не обусловлено ничем внешним, свобода – это нечто, идущее изнут-

ри, из глубины Личности, свобода является сверхсущей тайной, которой, в отличие от необходимых обусловленных событий, нельзя дать определение и рационализировать. Творчество и является тем самым свободным необусловленным действием, но и свобода определяется через творчество: Свобода есть положительная творческая мощь, ничем не обосновываемая и не обуславливаемая, льющаяся из бездонного источника [1 с. 152]. Таким образом, свободно действовать может только Личность и Субъект, над безличным объектом можно лишь совершать внешнее действие, которое он будет отражать.

Все сказанное можно понимать как объяснение или обоснование основ христианского представления о божественном, а именно: почему Бог обязательно должен быть Личностным и Троичным – только тогда он может совершить акт творения мира. И только то, что было сотворено (а не излито) может само творить, поскольку, во-первых, носит на себе печать своего Создателя, способного к творчеству, во-вторых, обладает самостоятельным бытием.

Человек как микротеос

В полной мере обладает вышеперечисленными качествами исключительно человек, только человек из всего тварного сам способен к творчеству. Это говорит об особом месте человека в мироздании, и Бердяев широко развивает эту мысль [1 с. 77–108]. Помимо того, что человек превышает все вещи в мире и является микрокосмосом, так как только в нем сошлись все пласты бытия, только ему был дан еще и духовный элемент, свобода воли – только про человека было сказано, что он образ и подобие Божие. Человек превыше не только зверей, но и Церкви и даже всего ангельского чина. Ангелы лишь пассивно отражают божественный свет, человек же является динамическим творческим центром вселенной. Ангелы отражают божественную энергию и охраняют человека, но они подчинены ему. «Зверь подобен ангелу, человек же подобен Богу» [1 с. 92].

Звериное начало не должно вставать выше человеческого, иерархия космоса должна сохраняться. Священство так же подобно ангелу, ибо оно служит лишь посредником божественного и проводником между ним и человеком, поэтому даже Церковь не может встать выше человека и подменить его, человек всегда остается

ся высшей точкой творения, не только микрокосмосом, но и – здесь Бердяев цитирует Баадера [1 с. 88] – микротеосом.

По мнению Бердяева, исторически так сложилось, что в официальных церковных и философских учениях эта истина о богоподобной природе человека ушла на второй план или вовсе была забыта, задавлена чувством греховности своей природы. Лишь у отдельных мыслителей, принадлежащих мистическим и оккультным течениям (в частности каббалическому), человек вновь освобождался от своего порабощения и открывал тайну о самом себе. Среди них Бердяев называет: Я. Беме, Р. Штейнера, вышеупомянутого Фр. Баадера.

Царство свободы и царство необходимости

Столь высокий статус сохранился за человеком даже тогда, когда в результате грехопадения вся структура бытия перевернулась, и человек был поработен более низкими субстанциями. Одним из основных последствий грехопадения было то, что произошел раскол на космос и мир, или, как их называет Бердяев – а царство свободы и царство необходимости соответственно. Космос или царство свободы – подлинное бытие, существующее в полном соответствии с замыслом Бога о прекрасном мироздании [1 с. 39–40]. Мир или царство необходимости – падшая, иллюзорная реальность, где вся иерархия перевернулась и человек более не царь над всей тварью, а всего лишь природная единица, жизнь которого всецело подчинена внешним факторам и поработена ими.

Человек единственный, кто стоит на пересечении двух плоскостей – мира и космоса. Как принадлежащий к миру, он должен приспосабливаться к нему, используя достижения науки. Наука рассматривается Бердяевым исключительно в ключе прикладной функции: наукой нельзя постичь Истину, с помощью нее можно овладеть только частными истинами, приносящими практическую пользу. Как принадлежащий к космосу, человек остается творцом. Он стремится полностью вернуться в свое изначальное состояние, вернуться к божественному [1 с. 47–77].

С этой точки зрения творчество – прорыв в трансцендентное (в божественное, ведь только в нем и возможно творчество), сюда относится так же и занятие философией (в своем стремлении познать Абсолют), о чем Бердяев прямо и говорит в следующих цитатах: «Философия есть познавательное освобождение от подав-

ленности», «Цель философии не создание системы, а творческий познавательный акт в мир» [1 с. 73]. Как видим, истинная в понимании Бердяева философия здесь противопоставляется другой философии - схематичной, схоластической и опирающейся на один лишь разум и логику. Философия должна содержать себе над-рациональный элемент «не от мира сего» - творческую интуицию.

Восьмой день творения

Творчество человека подобно творчеству Бога, в нем так же сохраняется описанный ранее принцип «из ничего» [3 с. 248]. В данностях мира человек не всемогущ и не может творить из абсолютного ничего, ему нужен материал мира. Из бесформенного камня, хаоса слов и звуков получается статуя, поэзия, симфония: материя остается та же, однако само получившееся произведение искусства – это новое бытие, реально существующее и преобразующее космос. У творчества есть оправданный онтологический статус, творчество – реально и динамично. Здесь отличие от философии, в частности от Платона, который в искусстве видит лишь пассивное зеркало для мира идей и соответственно не наделяет творческий процесс высоким статусом [4 с. 145]. У Бердяевых же человек как раз и велик, потому что способен к творчеству, равно как и Бог, и призван быть помощником в деле устроения космоса.

Творчество – высший смысл жизни человека, задача творчества стоит выше задачи спасения души, и такое убеждение, по Бердяеву, нисколько не противоречит сущности христианства. Спасение – это избавление человека от того ущемленного состояния, а которым он оказался после грехопадения, а избавиться собственно и нужно затем, чтобы человеку ничто не мешало творить. Богу нужны творцы, а не рабы. Творчество – нравственный долг человека, спасется лишь тот, кто не зарыл в землю свой талант [5 с. 357–362]. Задача Красоты стоит выше задачи Добра: как только исчезнет разделение человека на Добро и Зло, исчезнет и Добро, а Красота – вечна, и человек совместно с Богом призван вечно ее созидать [4 с. 145].

Человек никогда не творит сам, даже если внешне он совершенно одинок. Бердяев ссылается на собственный опыт, говоря, что любой, испытавший творческий экстаз, знает, что в этот момент происходит некая связь с чем-то, превосходящим человека, что не есть он сам, но от чего к нему исходят образы и вдохнове-

ние, с высшей силой [3 с. 250]. Творческий экстаз, таким образом, приравнивается к мистическо-религиозному.

Бог обращен к человеку (о сопоставлении творчества и Эроса мы уже писали), но и человек может стремиться к Богу – и тогда раскроется его Личность, истинная творческая сущность. Бог нуждается в ответе человека. Бердяев пишет не только о «тоске человека по Богу», но и об особой «тоске Бога по человеку» - без творческого человека дело творения не может быть завершено [1 с. 139].

Единственная граница, которую никогда не сможет преодолеть человек в своем творчестве – это сотворение живого личностного существа. Сотворение личности всегда останется за Богом, и любые попытки человека двигаться в этом направлении приведут лишь к созданию мертвого механизма – от себя мы можем сравнить этот результат с созданием чудища Франкенштейна, которое хоть и состояло из прекрасных отдельных частей, но в общем являлось искусственным и уродливым объединением. Между Богом и человеком все же лежит та разница, что один сотворен, а другой нет: творчество человека – тварное, творчество Бога – божественно. Основа всякой личности божественна, а божественное может быть создано только божественным [1 с. 149].

Однако если отвлечься от данного момента, то творчество человека подобно божественному не только по своей сути, но и по цели. Творчество человека – продолжение творения космоса. Сотворение мира – не свершившееся когда-то давно действие, а динамический процесс, который все еще не нашел своего завершения. Бог сотворил человека главным образом не как своего раба, а как своего помощника в деле творения космоса и красоты. Потому для Бердяева творение не завершается на седьмом дне [1 с. 145], он использует такую фразу, как «восьмой день творения» или же «богочеловеческое творчество» [1 с. 146]. Восьмой день творения – это эпоха совместного творчества Бога и человека, это и есть подлинное творчество и творение. В каком-то смысле проблески этой эпохи существуют и существовали на протяжении всей истории человечества, но в подлинном смысле богочеловеческой творчество наступит лишь с концом земной истории, когда мир расцветет в красоте, и настанет царство свободы.

Трагедия творчества

Как уже говорилось, человеческое творчество является еще и стремлением к божественной реальности, полному своему преображению, освобождению от данности мира. Но Бердяев так же пишет о том, что своей цели это стремление достичь не в силах:

«Творческое горение охлаждается, на него давит тяжесть мира [3 с. 254]. Потому судьба творца непременно трагична. Идеи гения не понимают и искажают, сам гений мучается от собственной неудовлетворенности своим произведением (эту неудовлетворенность Бердяев считает одним из главных «симптомов» гениальности). Но суть трагедии творчества состоит именно в неудаче любой попытки преодолеть объектность, воплотить исходящее из иной плоскости в царстве необходимости.

Самая большая неудача преследует творчество в области исторического строительства или в начинании новых духовных течений, вероятно, поскольку именно они требуют более всего усилий и наиболее грандиозны. К первым относятся многочисленные попытки создать мировые империи или общество на основе всеобщей справедливости. Ко вторым: тот факт, что религиозное горение Франциска Ассизского породило орден францисканцев, Лютера – морализаторские и рационалистические протестантские церкви, а идеи Ницше – ницшеанцев. Принадлежащее к миру горнему обязательно входит в конфликт с миром земным. Более того: чем более велик замысел – тем трагичнее его судьба. Тогда самая величайшая творческая трагедия – это история дела Христа и христианства на земле: объективизация в истории «небесного огня» полна ужаса и мрака [3 с. 252 – 255], что свидетельствует – используем пришедшую еще из Античности аналогию с отпечатком и печатью – прежде всего об абсолютном несовершенстве принимающей совершенную печать материи.

Н.А. Бердяев вовсе не говорит об абсолютной бессмысленности всякого творчества. У творчества есть величайший смысл – оно подготавливает наступление грядущего царства свободы. Любое творчество эсхатологично, любая творческая попытка по своей сути является прорывом в космос и преодолением мира. И уже в будущем, когда земная история завершится окончательно, в Царстве Божием полностью реализуются все творческие порывы человека, человек сможет быть творцов в подлинном смысле слова [3 с. 249, 255].

Заключение

Творчество присуще исключительно божественному, свободному и личностному. В философии Н.А. Бердяева творчество тесно связано с пониманием человека как микротеоса, образа и подобия Божьего, продолжателя дела творения. Человек должен быть возвеличен, «обожжен», освобожден от греха и царства необходимости исключительно ради творчества – тогда человек сможет соединиться с Богом и творить вместе с ним. В стремлении к божественному, к творческому и заключается смысл жизни человека. Творчество – центральный нерв жизни человека, а не побочное ее явление, только в творчестве человек может найти себя, творить – нравственный долг человека.

Творчество наравне со смирением и борьбой с грехами помогает освобождению человека, даже большей степени, нежели они, творчество возвращает человека к божественному состоянию, раскрывает его Личность, вновь делаем его царем и устроителем космоса. Тайна творчества кроется в тайне сотворения космоса, и только в творении творчество может найти свое продолжение.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Москва, Искусство, 1994. С. 39-108,137-163.
2. *Соловьёв Вл.С.* Красота в природе. Санкт-Петербург: Худож. лит., 1994. С.204-246
3. *Бердяев Н.А.* Глава VII // Опыт эсхатологической метафизики / Бердяев Н.А. Москва: Республика, 1995. С. 164-288
4. *Бердяев Н.А.* Прельщение и рабство эстетическое. Красота, искусство и природа // О рабстве и свободе человека / Бердяев Н.А. Москва: Республика, 1995. С. 4-164
5. *Бердяев Н.А.* Спасение и творчество. Москва, Искусство, 1994. С. 343-367

References

1. *Berdyayev NA*. The Meaning of the Creative Act.
2. Solovyov *VS*. Beauty in Nature.
3. *Berdyayev NA*. The Beginning and the End.
4. *Berdyayev NA*. Slavery and Freedom.
5. *Berdyayev NA*. Salvation and Creativity.